
— Анселл и генерал-лейтенант Ян Ман, командующая Северным сектором Великой стены Звездного кольца, уже выбрали производственную линию, — сказал Лэй Энь Линь Цзинье, когда тот вошел в дверь, — Эта Ян Ман очень придирчива, а раковая опухоль Анселл неимоверно скуп, угадай, кто получит эту невезучую работу?

— Производить оборудование, специально разработанное для блокировки эхо-сигналов? — Линь Цзинье подошел, подобрал форму, которую Лэй Энь небрежно бросил, повесил ее в шкаф и сказал: — Поскольку ты специально спросил меня, это должна быть группа Линь.

Лэй Энь пристально посмотрел на него, затем скривил губы:

— Так как ты думаешь, твой слепой старый отец на это согласится?

— Он не станет заниматься бизнесом, который теряет деньги, не говоря уже о таком, где исполнителю не говорят, что именно он делает, и это не приносит прибыли.

Линь Цзинье не очень-то поддерживает связь между отцом и сыном с Линь Лу, но это не мешает ему понимать этого проницательного бизнесмена.

— На самом деле у него в голове только деньги, — Линь Цзинье негромко рассмеялся: — Он думает, что его низкий социальный статус обусловлен его полом, а также тем, что у него мало культуры, он знает, что необразован, но его решение...

— Завести ребенка более престижного пола и заставить его тяжело работать, чтобы умножить свое богатство. — Лэй Энь закатил свои блестящие глаза, что очень несовместимо с величественным статусом маршала.

Линь Цзинье поднял руку, чтобы прикрыть глаза Лэй Эня:

— Итак, он проницательный, но полулегальный и неграмотный бизнесмен, рано или поздно он падет.

Да, его следовало давно спустить с небес на замлю.

Поскольку он угадал так точно и так быстро, Лэй Энь, похоже, вообще не хотел продолжать разговор: он схватил запястья Линь Цзинье и с небольшим усилием впечатал его прямо в стену с отведенными назад руками.

Ни одна из внутренних стен отсеков звездолета не была сделана из твердого материала, чтобы предотвратить ненужные травмы обитателей от ударов, столкновений и других ситуаций, не

связанных с боевыми повреждениями, поэтому хоть Линь Цзинье и ударился о стену лицом, и его щека была прижата прямо к ней, но это не вызвало никакой боли, он только напрягся в замешательстве, пытаясь повернуться и увидеть, во что опять играет Лэй Энь.

— Не шевелись!

Голос Лэй Эня был совсем рядом, и тело Линь Цзинье слегка напряглось, он почувствовал горячее дыхание, прижатое прямо к шее, теплое и сильное, словно его обнюхивал какой-то свирепый хищник, выискивая самое сладкое и вкусное место для своего рта.

— Ты... — Линь Цзинье открыл рот, как вдруг обнаружил, что его голос слегка дрожит, он не мог сказать, на что это было похоже, может на ощущение кризиса, что его разорвут на части и сожрут, но в то же время он, казалось, отчаянно ждал, когда этот кризис осуществится в глубине своего сердца.

— У меня, у нас... еще есть задачи.

Он отчаянно пытался быть спокойным, но Лэй Энь был человеком, который уже больше суток провел в одиночестве, и неожиданность на поле боя считалась одной из его сильных сторон, и насыщенный феромон со вкусом шоколада обрушился на его голову с такой силой, что даже у Линь Цзинье на мгновение закружилась голова, а когда он пришел в себя, то почувствовал, что кожа на задней части шеи стала чуть прохладнее.

Там находились железы, и хотя у беты их не было, это не мешает этому месту иметь особое значение.

Кроме того, изначально такая всегда скрытая одеждой кожа была более чувствительной.

Когда Линь Цзинье снова заговорил, его голос был почти не слышен:

— Перестань лизать...

Он чувствовал, как в нем растет возбуждение, но феромон Лэй Эня... на самом деле не имел никакого направляющего значения. Он просто использовал свой собственный шоколадный аромат, как благовоние.

Лэй Энь почувствовал перемену в нем и негромко захихикал, а поскольку он был так близко, Линь Цзинье почувствовал вибрацию в груди другого мужчины и мощный стук его сердца, и ему даже показалось, что он может слышать сердцебиение друг друга, так же ясно, как военные барабаны.

— Ш-ш-ш. — прошептал Лэй Энь ему на ухо, — Не двигайся, "Окрашенная звезда" близка к завершению пополнения запасов энергии, а ты все еще боишься, что я с тобой что-то сделаю?

Линь Цзинье прислонился лбом к стене, температура окрасила его бледные щеки, он закрыл глаза и, стараясь сохранить спокойный голос, возразил:

— Ничего я не боюсь.

Лэй Энь тихонько рассмеялся, и снова последовала серия дрожи, от которой талия Линь Цзинье ослабла.

Это очень ненаучно, — подумал он, — сила воли у меня не такая уж и слабая, невозможно вот так легко поддаться соблазну...

И тут его мысли резко прервались, когда он почувствовал легкое теплое прикосновение к своей шее.

— Не будь таким скупым, — пробормотал Лэй Энь, — Просто дай мне легонько укусить, все один раз, а.

В следующее мгновение сильная, стройная талия Линь Цзинье резко напряглась, и Лэй Энь отпустил его руки, но они, казалось, вышли из-под контроля Линь Цзинье, и все, что он мог сделать, это упереться руками в стену.

Это правда, что Лэй Энь укусил лишь слегка, но это не означало, что он не мог не разжимать зубы в течение десяти минут.

Он никогда не думал, что феромоны омеги могут быть настолько агрессивными; Лэй Энь просто укусил его, не совершая физиологического акта вливания феромонов в его железы, и не испытывая (в принципе) чувства связи, которое заклеямило бы Линь Цзинье, но на мгновение он почти забыл, что он обычный бета.

Феромоны Лэй Эня окрашивали каждый кончик его волос, словно вторгаясь в поры всего его тела и окрашивая его собственным запахом изнутри.

Это было несправедливо, растерянно подумал Линь Цзинье, метки АО были обоюдными, хотя феромоны альфы были сильнее внешне, все равно можно было чувствовать следы, оставленные соответствующим омегой в них.

Но метка Лэй Эня односторонняя, и Линь Цзинье внезапно почувствовал себя удрученным тем, что у беты не было способа выработать феромоны.